

ИРИНА ПОПОВА,

доктор философских наук, профессор кафедры социологии Одесского национального университета им. И.Мечникова

1989–1991. Диагноз времени

Abstract

The 1989–1991 called the “crisis of Perestroika” can be characterized by various chances and development options. The article presents an analysis of these chances and explains why the post-soviet transformation lead to the “confrontation and criminal” option.

*Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл,
Я была тогда с моим народом
Там, где мой народ, к несчастью, был.*

Анна Ахматова

Диагноз времени характеризуется как самостоятельный социологический жанр. По мнению финского социолога А.Норо, это попытка, используя социологические средства, ответить на вопросы: “Кто мы и какое сейчас время?”. Диагноз времени содержит “рефлектирующие суждения”, характеризуется рациональной субъективностью, представляет собой “прозрение, понимание, осознание, видение”. Характеристикой Диагноза времени, как считает Норо, является также “то, что выражаемые им точки зрения часто откровенно окрашены личными пристрастиями. Они открыто стремятся быть нормативными, а часто и политически ангажированными. Однако самый интересный аспект такого стремления — его цель: а именно, сделать Диагноз времени морально обязывающим” [1, с. 7].

Задавая вопрос о том, “является ли Диагноз времени легитимным жанром для социологии”, Норо ссылается на представления Дюркгейма об “аномии”, Вебера — о “железной клетке” и Зиммеля — о “трагедии культуры”, а из более поздних социологов называет Бека, Гидденса, Баумана, Рисмена. К этому, несомненно, следует добавить “Диагноз нашего времени” К.Маннгейма. В качестве примеров Диагнозов времени, *опирающихся на*

эмпирические исследования, называются “Молчаливая революция” Р.Инглхарта и “Общество переживания” Г.Шульце.

Диагноз времени — это не анализ, не критика, а *переживание*. И именно эта его особенность пробудила во мне мысль прибегнуть к этому жанру. Закончив работу над обобщением результатов исследований, к которым непосредственно была причастна в 1989–1991 годах, я поняла, что не могу отнестись к этому материалу безучастно, “непредвзято”, как подобает исследователю. “Диагнозы времени — прежде всего, это красота, ускользающая от сциентистского мира науки” [1, с.11]. Не знаю, как насчет красоты, а вот социентизмом мое стремление *понять* это время уж точно не грешит. Ибо слишком много в этом стремлении *личного, свидетельствующего о непосредственной вовлеченности в события*.

Хотя прочный фундамент для диагностирования этого периода есть: это и анализ статистических материалов и документов по проблемам социальной политики, это и множество прессовых и репрезентативных опросов по месту жительства¹. И все же стремление *понять* этот период нашей жизни постоянно уводило за пределы научного поиска и означало нечто большее, почти сокровенное. Данные, на которые я опираюсь, не являются в достаточной степени “валидными”, если использовать принятый в научной социологической среде термин. Во-первых, потому, что Диагноз времени — это характеристика эпохи, а в данном случае речь идет только о трех годах. Во-вторых, хотя при обобщении региональных материалов они постоянно сравнивались с данными по другим регионам и Украине в целом, все же в поле зрения был эмпирический материал *преимущественно одного региона Украины — Одесской области*.

Однако переживается это все сейчас как *эпохальные события*. Ибо просто прошедшего нет, а есть, если использовать терминологию Аврелия Августина, “настоящее прошедшее”. И когда мы видим, что произошло в последующем и “кто мы есть сейчас”, это “настоящее” определяет и наше видение тех лет. 1989–1991 годы — небольшой период, **но какой!** На языке вошедшей в моду синергетики, взятой на вооружение и социологами, это та самая *бифуркационная точка*, которая содержала в себе разные, даже противоположные возможности. И теперь, когда знаешь, какие из них реализовались, пристально всматриваешься в прошлое и пытаешься понять, что же могло быть, но потеряно, и почему потеряно это, а не то, что имеем сейчас. Особый характер данной временной точки дает основания для того, чтобы раздвинуть рамки диагностируемого периода, выйти за пределы непосредственного эмпирического материала, относящегося к определенному пространственно-временному интервалу. Этот выход обеспечивает базу не только для характеристики всего постсоветского периода и Диагноза време-

¹ В 1987–1991 годах социологической группой Одесского госуниверситета (И.Попова, В.Моин, М.Кунявский, Г.Бессокирная, О.Лычковская, Ю.Волков, Е.Князева, А.Панков, Н.Тимофеева, А.Худенко) было проведено 10 прессовых и 3 почтовых опроса, 2 репрезентативных опроса по месту работы трудящихся Одессы и 7 опросов по месту жительства, репрезентативных для Одесской области. Активность читателей в прессовых опросах, как правило, была очень высокой. Так, в обсуждении проекта украинского закона о выборах приняло участие 1355 человек, а в преддверии выборов в Верховный совет Украины в редакцию газеты было прислано 4000 анкет!

ни как “эпохи постсоветской трансформации”. Это и возможность оценить события “бифуркационных” 1989–1991 годов.

Для характеристики того, что происходило в последующем в постсоветском пространстве в целом, несомненное значение имеют материалы Международного симпозиума “Интерцентра”, базирующегося в Москве и публикующего результаты обсуждения проблем постсоветской трансформации¹. Что касается оценки именно интересующего меня периода, то стремление обобщить результаты эмпирических исследований, проведенных в 1989–1991 годах, пробудило у меня интерес преимущественно к двум источникам: книге российского историка и публициста Роя Медведева “Советский Союз: последний год жизни” [2] и статье профессора Мичиганского университета В.Шляпентоха “Советский Союз — нормальное тоталитарное общество” [3]. То и другое — попытка осмыслить годы “распада Союза” с позиций практически сегодняшнего дня (2000–2003 годов).

С расстояния, *близкого к бифуркационной точке*², косвенную оценку характера интересующего меня периода дал Г.Осипов в эмоциональной и содержательной статье “Мифы уходящего времени” [4]. Стиль статьи, как мне кажется, очень близок к жанру Диагноза времени. Попытаюсь охарактеризовать позиции указанных авторов и выскажу свои соображения относительно того, *что собой представлял данный период, какие его особенности оказались наиболее живучими, какие возможности реализовались впоследствии, а какие упущены.*

Начну со статьи Г.Осипова. Он выделяет девять мифов, *развенчание которых является для него средством характеристики той социальной реальности, которая мифологизировалась.* Укажу лишь на некоторые из этих мифов. Например, миф об упразднении в государстве административно-приказной системы. На самом же деле, сложилась парадоксальная ситуация, когда вместо административно-приказной системы, *основанной на ответственности*, утверждалась авторитарно-бюрократическая система, *основанная на безответственности и вседозволенности.* Далее, миф, согласно которому “рынок решает все”, характеризуется Осиповым как “обновленный экономический детерминизм”. В результате абсолютизации рынка и отождествления рынка и капитализма осуществлялся возврат к исходной стадии последнего — к первоначальному накоплению “дикого капитализма”. Миф о демократии как самоцели, как “средстве решения всех проблем” автор считает наиболее опасным *в практическом отношении.* В результате демократия становилась средством завоевания власти экстремистски настроенными группами и личностями, которые “с первых шагов своей представительной и исполнительной деятельности начинают попирают демократию”, забывая о том, что демократия — “это прежде всего власть не личностей или политических партий, а закона, неукоснительное соблюдение которого обеспечивается всеми механизмами государства” [4, с.5]. С этим мифом был непосредственно связан и другой миф: о возможности перехода к новым экономическим отноше-

¹ С 1994 по 2003 год вышло 8 сборников под названием “Куда идет Россия”, а также сборники под названием “Кто и куда стремится вести Россию” (2001) и “Куда пришла Россия” (2003).

² Статья опубликована в середине 1992 года.

ниям, политическим и социальным структурам “без правового регулирования этого перехода”. Следствиями этого мифа явились “резкое социальное расслоение общества, коррупция, взяточничество, расхищение народной собственности, вопиющее беззаконие во всем” [4, с. 6].

Осипов считает, что кроме названных девяти мифов того времени можно перечислить и многие другие. Главное, однако, состоит в том, что, воплощаясь в реальность, миф неизбежно приводил к “обратным результатам”, которых не предполагали и не желали. Автор указывает на *многообразные результаты*, которые обозначились уже к 1992 году и, как можно полагать, обусловили и *многообразные последствия*, проявившиеся уже в постсоветских изменениях.

Что касается других отмеченных мною источников, то и В.Шляпентох и Р.Медведев имеют в виду главным образом одно последствие — *распад СССР* — и стараются выявить те основные факторы, которые привели к этому. Однако делают это они по-разному и в качестве основных называют разные факторы.

Представляют интерес рассуждения В.Шляпентоха. Рассматривая ряд аргументов, приводимых в связи с выяснением причин распада СССР (недостатки советской политической системы, этнические конфликты и сепаратизм, неэффективность экономики, недовольство населения, угроза массовых беспорядков, выступления диссидентов, угроза иностранной интервенции, стремление аппаратчиков к частной собственности), автор не принимает ни один из них. Он считает, что причиной распада СССР является *неудачная попытка реформировать общество, резкое ухудшение положения в стране к 1988–1989 годам, которое явилось следствием ослабления государственной машины*.

Соглашаясь с ним в принципе, я не хотела бы ограничиваться лишь вопросом о *распаде СССР*. Главное для меня состоит в следующем: почему изменение “продуктов распада” не соответствовало не только догмам КПСС и официально провозглашенным в 1985 году целям, но и тому *пониманию “благополучного общества”, которое сложилось в сознании большинства советских людей*. Это понимание можно охарактеризовать как *социалистическое*, смыслу которого более всего соответствует формула: “от каждого — по способностям, каждому — по труду”. Первоначально идея перестройки, собственно, и выступала под этим флагом. *И именно поэтому эта идея была поддержана большинством населения*. Кризис же перестройки, совершенно четко обозначившийся к 1989 году, состоял в том, что *практика* ее не только не способствовала разрешению проблем труда и благосостояния населения, а наоборот, существенным образом обострила эти проблемы.

1989 год был пятым годом перестройки, началом ее кризиса. Кульминацией кризиса стал 1991 год, который оценивают по-разному: как год распада Союза и “обретения независимости” и как “год перерастания социально-экономического кризиса советского общества в национальную катастрофу” [4, с. 3]. Но знаменательным признают и 1989 год. То ли мы просто привыкли мыслить “пяtilетками”, то ли действительно в этот год более определенно обозначился характер происходящих в стране изменений. Но этот год выделяется в социологической литературе как “переломный”, ибо именно в этом году, как пишет Ю.Левада, стал очевиден кризис горбачевской “перестройки”, состоявший в том, что это были “попытки осторожных и ограниченных реформ, совершаемых под контролем партийного аппарата” [5, с. 7].

Существуют и другие, противоположные, оценки кризиса. Он связывается, наоборот, с поспешными, непродуманно-резкими шагами, с тем, что разрушение старых догм, формул и всех прежних концепций происходило намного быстрее, чем создание новых концепций и формул, *основанных на общих идеях социализма* [2, с. 321].

Ясно, что в оценках кризиса присутствует не столько отношение к *тем-пам* проводимых реформ, сколько оценка их *содержания*. Сторонники радикальных взглядов, в конечном счете проявившие себя как приверженцы капиталистического пути, считали, что темпы изменений недостаточны. Те же, кто солидаризовался с формулой “больше социализма”, которая выступала в качестве официального лозунга до января 1987 года, считали, что слишком быстро происходит демонтаж необходимых для достижения данной цели социальных институтов. Действительно, за относительно короткий срок была произведена реорганизация государственной системы хозяйства, что существенным образом повлияло на жизнь многих людей [6, с. 278–291]. Главное, однако, состояло в том, к чему *реально* приводила осуществляемая реорганизация и в какой степени она продвигала общество в *направлении решения актуальных для большинства населения проблем труда и благосостояния, как отражалась на повседневной жизни людей*.

Социальная политика, проводимая государством в период перестройки, не была научно обоснованной и эффективной. Об этом свидетельствовал, в частности, контент-анализ документов Совета Министров и ЦК КПСС, который был проведен в 1990 году сотрудниками социологической лаборатории Одесского государственного университета Г.Бессокирной и О.Лычковской. Распределение документов по годам издания было таково: 1985 — 18 документов, 1986 — 16 документов, 1987 — 36 документов, 1988 — 15 документов. В последние два года основным автором документов стал Совет Министров. В результате анализа было установлено, что большинство документов, изданных в указанный период, *характеризовались существенными недостатками*:

- отсутствием, как правило, ссылок на научные данные при постановке и анализе социально-экономических проблем;
- неопределенностью иерархии проблем благосостояния и труда, которые необходимо решать;
- ведомственным подходом к их решению;
- отсутствием указания на субъект управления, который должен решать эти проблемы, что порождало безответственность.

Статистические данные свидетельствовали о снижении многих социально-экономических и даже демографических показателей в период перестройки. Анализ статистических данных, осуществленный в 1990 году Г.Бессокирной, свидетельствовал о том, что для Одесской области, например, по показателям воспроизводства населения (рождаемость, смертность, естественный прирост населения) наиболее благоприятным был 1986 год, *после которого эти показатели непрерывно снижались*. Выяснилось также, что в 1989 году в сравнении с непосредственно предшествующими годами в Одесской области сокращалось производство и потребление многих необходимых продуктов питания, снижались темпы ввода жилья, введения новых детских дошкольных учреждений, ухудшалась обеспеченность местами в общеобразовательной школе.

Именно *ухудшение положения в перестроечное время*, как можно предположить, и обусловило остроту восприятия населением происходящих процессов и те оценки различных сторон общественной жизни, которые мы обнаруживали в опросах 1989–1991 годов. Поэтому следует согласиться с мнением В.Шляпентоха, что, сравнивая постсоветское общество с советским, в качестве исходного целесообразно брать 1985 год, а не 1990–1991, “поскольку в эти годы советская экономика была уже дезорганизована *горбачевскими экономическими и особенно политическими реформами*” [3, с. 117] (курсив мой. — И.П.).

Л.Гордон и Э.Клопов в книге “Потери и обретения. Россия в девяностых” в качестве исходной основы перемен 1990-х принимают 1970–1980-е годы и связывают недовольство перестроечного периода с подъемом благосостояния в 1950–1980 годах. В предперестроечный период, по их мнению, сложилась противоречивая ситуация: с одной стороны, улучшения 1950–1980 годов имели ограниченный характер и потому не устраняли недовольства условиями жизни. С другой — когда в 1990-х “на плечи рядовых тружеников навалилось бремя переломного кризиса, память о четверти века хоть какого-то повышения жизненного уровня стала способствовать упрощенному и одностороннему восприятию послесоциалистических перемен” [7, с. 143]¹.

Думаю, что дело не в том, что улучшения ждали из-за *привычки к улучшению*. Скорее росли потребности в соответствии с ростом образования и культуры, расширением межгосударственных контактов. И расширения возможностей удовлетворения растущих потребностей как раз и ждали от перестройки, *не связывая, однако, улучшение с отказом от социализма и советского строя*. Что касается “послесоциалистических перемен”, то они воспринимались населением не упрощенно и односторонне, а вполне адекватно, в соответствии с тем, как эти перемены сказывались на повседневной жизни людей. Более того, в том виде, в котором эти перемены происходили, они не были *фатально* предопределены ни предперестроечным, ни перестроечным периодами, ни даже временем, которое именуют “кризисом перестройки”. Можно попытаться показать это, обратившись к результатам опросов населения 1989–1991 годов.

Следует, однако, учитывать *специфику и ограниченность такого подхода к характеристике социальной реальности*. И все же не менее важно и другое: во-первых, оценки происходящего населением (поскольку в поле зрения была именно та “социальная реальность”, которая затрагивает интересы большинства людей, их повседневную жизнь) правомерно рассматривать как своеобразные экспертные оценки; во-вторых, сами эти оценки и настроения населения, как известно, — необходимый компонент той “социальной реальности”, которую исследует социолог. Можно в данном случае согласиться с тем, что “для особых социальных контекстов характерны специфические агломераты “реальности” и “знания”, а изучение их взаимосвязей — предмет соответствующего социологического анализа” [8, с. 12].

¹ Когда вспоминаю, как в 1989 году приходилось занимать очередь за молоком в 5 часов утра (было два маленьких внука) и с какими трудностями сталкивались люди из-за невозможности приобрести элементарные продукты питания, отнесение всего этого просто к “издержкам переходного периода” кажется по меньшей мере неубедительным.

Итак, о чем свидетельствовали упомянутые выше опросы 1989–1991 годов? Все используемые субъективные показатели свидетельствовали о том, что в конце 1989 – в начале 1990 года большинство населения низко оценивало свой уровень жизни, было неудовлетворено им. *Проблемы благосостояния* (в сравнении с проблемами политики, экологии, правонарушений и даже проблемами экономики), согласно опросам, проведенным в 1989–1991 годах, для населения Одесской области были наиболее актуальными. Они были актуальны для жителей всех типов поселений, особенно для сельских жителей. Привлекало внимание и то, что люди различали возможности, которые имелись для решения проблем на разных уровнях: например, возможности решения проблем экономики и экологии в масштабах республики значительно большие, чем на городском и областном уровне, и частота указания на эти проблемы применительно к региону и республике соответственно увеличивалась.

В 1989 году при исследовании проблем социальной справедливости было обнаружено, что *к наиболее частым нарушениям справедливости жители города относят обеспечение продуктами питания и промтоварами, а также получение жилья; а на уровне трудовых коллективов – оплату труда, распределение жилья, путевок в санатории и дома отдыха*. Негативные оценки преобладали и при выражении мнений об изменениях в сфере социальной справедливости “за последние несколько лет”, а также мнений о перспективах ее укрепления.

Снижение в перестроечный период уровня потребления некоторых основных продуктов питания, хотя их потребление и так было ниже рациональных норм, отразилось во мнениях и оценках, в представлениях о том, какие первоочередные задачи необходимо решать. *К первоочередным проблемам относили* (в порядке убывания частоты выборов) *обеспечение продуктами питания, жилищную проблему, благоустройство населенных пунктов, медицинское обслуживание и обеспечение промышленными товарами*. У жителей села на первый план выходило “благоустройство населенного пункта”. Среди других наиболее важных проблем благосостояния указывали также на бытовое обслуживание, строительство детских дошкольных учреждений и школ, а также работу общественного транспорта. В апреле 1991 года положение осложнилось так называемой “реформой цен”, которая еще больше снизила жизненный уровень основной массы населения. При этом *население в противоположность официальной точке зрения не считало эту реформу мерой, необходимой для оздоровления экономики*, что, собственно говоря, и подтвердилось в дальнейшем.

Все это определило отношение не только к перестройке, но и к проводимой политике в целом, к центральной власти, более того, к тем преобразованиям, которые осуществлялись впоследствии. Можно согласиться, соответственно, с тем, что с самого начала перестройки *неправильно были расставлены приоритеты*. Прежде всего в центре внимания руководства должны были оказаться не проблемы научно-технического прогресса, демократии и гласности, а “вопросы зарплаты и пенсий, уровня жизни, улучшения продовольственного снабжения в провинции и т.п. Только такая политика могла обеспечить новому руководству страны прочную поддержку населения и создать, таким образом, предпосылки для проведения других реформ” [2, с. 280].

Как мне кажется, речь идет о необходимости разграничения *стратегии и тактики*, мудром определении наиболее целесообразных *тактических*

шагов. Разумеется, решение этой задачи было невозможно без определенных экономических преобразований, без изменения политики в отношении к формам собственности. И речь должна была идти прежде всего о *повсеместном развитии и поддержке малого бизнеса*. Подчеркну, что, согласно данным нашего исследования, к этому было готово население, и преобразования такого рода поддерживались большинством. К необходимым преобразованиям форм собственности большинство относилось, в первую очередь, *ликвидацию монополии государства на средства производства*. Эта позиция преобладала во всех группах. Подавляющее большинство населения Одесской области высказывалось за то, чтобы предоставить *равные права различным производителям, равные возможности для развития разных форм собственности*. Более половины было за то, чтобы *узаконить индивидуальную собственность граждан на средства производства*. Именно это понималось под “коренными преобразованиями в экономике”. При этом все еще признавалась большая, в сравнении с “новыми” формами, эффективность развития государственной и колхозной форм собственности.

Изменялись представления относительно наиболее целесообразных форм распределения. Тенденция во всех типах поселения была одной и той же: население явно склонялось в сторону *распределения пропорционально трудовому вкладу*. Уравнительные принципы уже не были столь популярны, как ранее¹. Большое значение придавалось *реальным возможностям развивать способности, созданию условий, при которых можно будет зарабатывать в меру своих сил, для чего необходимо ликвидировать “потолок заработной платы”*. Требование “дать людям возможность максимально реализовать свои способности, проявить инициативу” поддерживали более 90% жителей области!

Укажу на то, что развитие и поддержка малого бизнеса имели бы следствия различного рода: с одной стороны, это расширило бы возможности удовлетворения элементарных потребностей населения (в необходимых товарах и услугах), с другой — создало бы предпосылки для появления предпринимателя, способного решать более масштабные задачи и приобрести для этого капитал *благодаря своим личным способностям и усилиям*. Сейчас, когда оценивают приватизацию, осуществленную в постсоветском пространстве, как раз и указывают на основной ее порок: она началась с приватизации средних и крупных, а не мелких предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания. Тогда как в других странах именно приватизация малых предприятий рассматривается как “первоочередная задача” [10, с. 44]. *Эта особенность постсоветской приватизации связана с ее “номенклатурным” характером*. Для основной массы населе-

¹ Это прежде всего сказалось на абстрактных ценностных представлениях (ответ на вопрос: “Какое общество является справедливым?”) и в меньшей степени было выражено в так называемых инструментальных ценностях (“Что является основной задачей социальной политики?”). Обращая внимание на большую мобильность абстрактных идеалов по сравнению с конкретными, инструментальными представлениями, в 1991 году я предположила, что эта “перевернутость” социальных представлений свидетельствовала о “перевернутости” действительности того времени: “...активное словесное творчество, культивирование “нового мышления”, всевозможное идеологическое новаторство не сопровождаются реальными преобразованиями, не базируются на тех практических действиях, которые только и могли бы породить новые инструментальные ценности” [9, с. 75].

ния, не имеющей “чиновничьих возможностей”, предпринимательская деятельность была недоступна. Например, в Одесской области, особенно в Одессе, был довольно большой процент населения, готового заняться “частным делом” (в среднем до 1/3). Однако у большинства желающих для этого не было возможностей.

Тот факт, что эти и другие *первоочередные задачи* не решались, обусловил нарастание социальной напряженности, разочарование в перестройке. При этом все в большей степени *утверждалось представление о том, что повинны в этом именно центральная власть и КПСС как “руководящая и направляющая сила”*. И прямые, и косвенные оценки людьми сложившейся ситуации свидетельствовали о том, что никакие обещания, никакая пропаганда, ничто не оказывало столь действенного влияния на общественные настроения, позицию людей, как *изменения реальных жизненных условий*. *Вопрос об улучшении жизни людей был ключевым вопросом*. Все остальное приобретало в глазах населения значимость, актуальность в той степени, в какой приближалось к решению этого вопроса (либо отдалялось от него).

Обращая внимание на рост социальной напряженности, мы в январе 1990 года писали в отчете: “Насколько устойчивыми окажутся выявленные тенденции, покажет время. Не исключено, что они носят ситуативный характер..., что со временем будет происходить “угасание” этих тенденций. Ведь общественное мнение, настроение крайне динамичны, зачастую неустойчивы, постоянно меняются под воздействием различных обстоятельств”. Однако выявленные тенденции оказались вполне устойчивыми, а мнения и настроения не сиюминутными, а постоянно воспроизводимыми, свидетельствующими о дальнейшем углублении кризиса так называемой перестройки.

Для общественного настроения в период 1990–1991 годов характерны были симптомы растущей социальной напряженности, социального пессимизма: *неудовлетворенность положением дел, неуверенность в завтрашнем дне, рост ориентации на эмиграцию*. Эти настроения были типичны для всех регионов Союза. Но в Одесской области они проявлялись с особой остротой, причем наиболее критичные, пессимистичные мнения были характерны, в первую очередь, для одесситов. Процесс нарастания социальной напряженности, рост неудовлетворенности жизнью, неуверенности в завтрашнем дне в той или иной степени был характерен *практически для всех групп населения*. Наиболее сильно эта тенденция прослеживалась у самой активной, образованной его части.

Характеризуя общественные настроения этого периода, укажу на некоторые важные тенденции изменения общественного мнения, которые *наиболее определенно обозначились уже к середине 1989 года, а точнее, после I Съезда народных депутатов*:

- происходило ускорение процесса политизации массового сознания, повышение роста интереса к социально-политическим событиям;
- определялись, кристаллизировались позиции и мнения (“затрудняющихся” ответить на тот или иной вопрос становилось все меньше);
- обозначился процесс ослабления жестких связей между социальной принадлежностью (рабочий, служащий и т.д.) и мнениями, оценками людей;

- возрастала критичность оценок, суждений, о чем, в частности, свидетельствовали более строгие оценки I Съезда народных депутатов в сравнении с оценками XIX партийной конференции¹;
- неудовлетворенность населения ходом перестройки все в большей степени связывалась с ухудшением положения дел в экономике, снижением уровня жизни.

Основную ответственность за нарушение социальной справедливости в обществе трудящиеся² возлагали прежде всего на *общественное устройство и партийные и советские органы, а также на самих себя (“все мы”)*. Выделяли группы, которые чаще всего нарушали социальную справедливость, указывали на работников *партийных, советских, комсомольских, профсоюзных органов управления*. Наиболее эффективным путем борьбы за укрепление социальной справедливости считали коренную экономическую реформу, а также *укрепление дисциплины и порядка*.

Характеризуя динамику отношения населения к политическим деятелям этого периода, следует отметить, что если в 1989 году наибольшей популярностью пользовались политические деятели, придерживавшиеся “левых” (“радикально-демократических”) взглядов, то к лету 1990 года их популярность заметно упала. Существенно обострился к этому времени и кризис доверия к действующим политическим лидерам — более половины населения ни одному из них не отдавало предпочтения. Характерно также было некоторое *увеличение числа сторонников “центристских” позиций*. Особенно возросло их число на селе, где эта группа доминировала. В общественном сознании основная вина возлагалась, как правило, на руководство. Поляризация представлений об ответственности происходила в контексте оппозиции “руководитель–подчиненный”.

Однако *после апреля 1991 г. стал возрастать рейтинг органов республиканской власти*. Еще в апреле Верховный Совет и правительство УССР пользовались популярностью у незначительного меньшинства (6% населения области). К концу года доверие им выражали соответственно 25% и 27% жителей Одесской области. Аналогично повысились и оценки местных советов (до 21% — относительно областного совета; до 25% — относительно базовых и районных советов). И все же соотношение доверяющих и не доверяющих органам государственной власти любого уровня было не в ее пользу. И в 1991 году доверие к советам чаще выражали жители сел, реже — горожане, особенно одесситы. *Наименьшим доверием пользовалась именно центральная власть, с ее действиями, в первую очередь, связывали крушение “перестроечных надежд”*. Это обстоятельство сыграло существенную роль в определении отношения населения Украины к независимости. Однако дело обстояло далеко не так просто.

Подводя итоги анализа политической ситуации 1991 года, повторю то, о чем мы писали в тот период времени: исследованиями не подтверждается используемый в политических дискуссиях тезис, согласно которому, голо-

¹ И дело не в том, что конференция была более успешной, а в том, что за прошедший после работы конференции год политическое сознание масс стало более критичным, оценки стали намного строже.

² В 1989 году по заданию ЦК КПУ наша группа провела исследование в 11 трудовых коллективах г. Одессы.

суя за независимость, народ проголосовал тем самым и против Союза суверенных республик, против вхождения Украины в данный Союз — Содружество. Обстоятельные опросы, дающие возможность поставить серию уточняющих вопросов, показывали, что поддержка Акта независимости Украины у населения области (как и Украины в целом) сочеталась с признанием необходимости вхождения в Союз (Содружество суверенных государств). Больше половины населения в области были ориентированы на Союз. Эта ориентация в течение всего года являлась стабильной, тогда как доля предпочитающих видеть Украину самостоятельным государством *вне Союза* снижалась, составив в ноябре всего четверть.

Опросы 1991 года показали также, что к 1 декабря по сравнению с началом октября значительно увеличилась доля тех, кто решил принять участие в референдуме и поддержать Акт независимости Украины. *Это произошло главным образом за счет ориентированных на Союз-Содружество.* К этому следует добавить также, что среди избирателей, обеспечивших победу Л.Кравчуку, преобладали сторонники Содружества.

Ориентированные на Союз-Содружество в большей степени, чем ориентированные на него, первоочередными задачами считали *решение экономических проблем.* Противники же Союза чаще, чем его сторонники, высказывались за приоритетность политических проблем: строительство независимого государства, создание национальной гвардии и пр. Однако эта *группа (желающих быть вне Союза и считающих, что начинать нужно с решения политических задач) была крайне немногочисленна (не более 6%).* Среди факторов, оказывающих наибольшее влияние на политические представления, первые три места занимали принадлежность к социальной группе, национальность и предпочитаемый язык общения (на работе и в общественных местах). При этом значимость первого фактора (социальная группа) в течение 1991 года падала, а второго (национальность) — возрастала. Третий фактор (предпочитаемый язык общения) стабильно оказывал большое влияние на политические предпочтения.

Обращая внимание на сложность отношения населения к центральной власти и к независимости *вне Союза*, приведу рассуждения известного одесского журналиста Б.Деревянко¹. В своем дневнике в июле 1991 года он писал следующее: “Спрашивают: “Если Вы так рьяно защищаете идею (иногда говорят резко — химеру) Союза, то Вы целиком и полностью поддерживаете все акции Центра?” Ба! Это разные вещи. Два года терзаний привели меня к мысли, что никто столько не сделал и не делает для развала Союза, как центральная структура власти” [11, с. 150]. Далее Деревянко описывает ситуацию, когда в январе 1991 года пригласил в редакцию газеты “Вечерняя Одесса” руководителей предприятий, экономистов, финансистов, ученых для обсуждения мер, необходимых для стабилизации положения. Обращая

¹ Б.Деревянко — известный украинский журналист, главный редактор газеты “Вечерняя Одесса”, делегат I Съезда народных депутатов. Был убит в 1997 году, как многие считают, за то, что вел журналистское расследование причин развала Черноморского флота. Впоследствии это убийство пытались представить как уголовное преступление. Был устроен даже суд над “убийцами”. Сотрудник “Вечерней Одессы” Ю.Иванов, выступивший от имени редакции, выразив несогласие с решением суда, и в дальнейшем активно настаивавший на пересмотре дела, погиб при невыясненных обстоятельствах.

внимание на то, что сформулированные на этом совещании предложения были направлены не в Верховный Совет СССР, а в Верховный Совет УССР¹, Деревянко пишет: “Что же получается? Народный депутат СССР подстрекает Верховный Совет республики выступить против того, что решил Центр? Объективно говоря — да. Значит ли это выступать против Союза? Нет, это означает только, что выступать надо против того, чего не приемлют люди” [11, с. 151]. Но эта убежденность, что республиканская власть сможет решать те проблемы, которые не решает центральная, объясняет общее повышение рейтинга этого уровня власти после апреля 1991 года, о чем писалось выше. Это, в свою очередь, сыграло определенную роль и при голосовании за независимость Украины.

Вернемся к общей оценке интересующей нас ситуации. Характеризуя “позднеперестроечный” период, указывают на различные *возможные в тот период* варианты развития событий. Мне более всего импонирует позиция Л.Косалса и Р.Рывкиной, которые ссылаются на три варианта:

- “косметический” — “продолжение фиктивных инноваций при сохранении социализма и руководящей роли КПСС”;
- “советско-рыночный” — “сочетание рыночной экономики с традиционным для населения СССР укладом жизни и руководящей ролью КПСС”;
- “конфронтационно-криминальный”, состоящий в “переориентации номенклатуры на максимально полное использование распада старой системы для достижения групповых интересов” [12, с. 24].

Дальнейшее развитие, как считают Косалс и Рывкина, пошло по “конфронтационно-криминальному” пути, в чем я с ними вполне согласна. Аналогичной позиции придерживается Т.Заславская. Она считает, что в 1989–1990 годах “в СССР назревала демократическая революция, направленная против власти номенклатуры, но она *в силу разных причин* не состоялась, и революционный подъем сменился реформами “сверху” в интересах той же бывшей номенклатуры” [13, с. 4] (курс. мой. — *И.П.*).

Но в силу каких причин “советско-рыночный” вариант не удался? Не удался, хотя шанс для этого был: и большинству населения он более всего импонировал (что я пыталась показать выше), и соответствовал той программе, которая разрабатывалась ведущими экономистами того времени. Как пишут Косалс и Рывкина, “эта программа была рассчитана на постепенное медленное вхождение в рынок с сохранением советской государственности. Причем с сохранением не столько государственного управления экономикой (что, собственно, и должно было реформироваться), сколько с сохранением государственной системы правового и социального обеспечения граждан” [12, с. 26].

Итак, почему “советско-рыночный” вариант был все-таки упущен? Конечно, можно согласиться с тем, что “для реализации этого варианта от пар-

¹ Предлагалось, в частности, попросить Верховный Совет республики наложить мораторий на Указы Президента СССР “О введении налога с продаж” и “О создании в 1991 году внебюджетных фондов стабилизации экономики”. Замечу, что такое обращение было знаменательно для этого периода, ибо питалось иллюзией (объясняющей частично и желательность суверенитета), что на местах можно подправлять ошибки Центра.

тийного аппарата требовалось значительно большего интеллекта, чем он на самом деле имел”, как и с тем, что этот аппарат не имел привычки и не умел думать об интересах страны и ее населения [12, с. 24]. Тем более парадоксальным может показаться мое мнение: решающим фактором в цепи событий, определивших то, что дальнейшие изменения происходили в соответствии с “конфронтационно-криминальной” моделью, было *устранение КПСС с политической арены*. Именно это устранение в тех конкретно-исторических условиях привело к *подрыву государственности*, что обусловило не только развал СССР, но и многочисленные проявления реализации данной модели (олигархический характер, произвол и беззаконие, коррупцию и взяточничество, масштабы расширения неформальной практики и многое другое)¹.

Думаю, что следует согласиться с Р.Медведевым, который пишет следующее: “Быстрому разрушению государственных структур СССР предшествовало разрушение идеологии КПСС, а затем и самой КПСС” [2, с. 112]. Начало разрушения догматической марксистской идеологии, которая была на вооружении КПСС, и падение авторитета последней Медведев связывает с XX съездом КПСС и разоблачением культа личности. До этого главными опорами государства, “несущей конструкцией” которых была КПСС, были не только государственное принуждение, но и привлекательность для широких масс идеологической доктрины КПСС. Когда одна из опор (привлекательность идеологической доктрины) была ликвидирована, *ослабление силы принуждения (и в самой партии, державшейся ранее на жесткой дисциплине, и в обществе в целом) привело к распаду государства*. При этом Р.Медведев большое внимание уделяет и *личному фактору* — поступкам и решениям прежде всего двух персонажей этой драмы: Горбачева и Ельцина, прослеживая по дням и даже по часам их поведение в период распада, а также характеризуя *роль различных региональных руководителей в этом процессе*.

Подробно на характеристике роли партии в советском государстве и значении государственности для реформирования останавливаются Л.Гордон и Э.Клопов (примечательно, что они — приверженцы не социалистического, а скорее либерального направления). Гордон и Клопов указывают на некоторое объективное противоречие, которое характеризует ситуацию реформирования. С одной стороны, как считают они, “уничтожение партийного государства — политической основы госкапитализма — следует признать глубоко позитивным процессом, открывающим возможность выйти из тупика и избежать реставрационной катастрофы” [7, с. 70]. С другой — в условиях нерыночной экономики все институты поддержания общественного порядка не способны были эффективно работать, что привело к угрозе разрушения “системы жизнедеятельности в каждой точке общественного организма”. “Ослабление и последующее полное исчезновение партийных органов, — пишут Гордон и Клопов, — породили вакуум управления. Нормальное функционирование общественного организма нарушилось на всех уровнях — не только в центре, но и на местах, в любом районе, поселении, предприятии” [7, с. 71]. Да-

¹ Мне непросто было прийти к этому заключению, так как я сама вышла из партии до запрещения действия КПУ. Одновременно с этим я покинула и ряды Руха, в котором была со времени создания Одесской организации, приняв участие в ее учредительном съезде, проходившем в Кишиневе.

лее авторы подробно характеризуют разрушительные последствия этого “вакуума управления”: подрыв государственной дисциплины, невыполнение решений вышестоящих органов, ухудшение сбора налогов, рост коррупции, снижение уровня безопасности повседневной жизни граждан. Соответственно, *главным проявлением чрезмерного ослабления государственности они считают не распад Союза, а “распад общественного порядка”*. Но, как известно, в условиях “распада общественного порядка” и ослабления государственности никакое реформирование не может быть успешным. Не это ли понимали простые люди, считавшие, что для восстановления справедливости прежде всего необходимо поддержание дисциплины и порядка?

Этот “распад общественного порядка” определил в последующем и характер развития независимых государств — продуктов распада СССР. Но как же тогда именно “номенклатура” смогла стать основной движущей силой последующих преобразований? Как удалось именно ей, являющейся порождением партийной государственности и ее оплотом, *перехватить*, по выражению Т.Заславской, потенциал демократической революции и использовать его в своих интересах? Ответить на данный вопрос помогают интересные соображения французской исследовательницы Мари Мендрас относительно характерной для постсоветских стран ситуации, когда *в слабом государстве существует сильная бюрократия*. Последняя очень быстро адаптировалась к рыночной экономике. Поняв, что существование во властной структуре предполагает наличие экономических ресурсов, она перестроила свои отношения с предприятиями, финансовыми системами. Главное, однако, состояло в том, что *“бюрократия сумела это сделать”*, ибо со времен советской системы, “в рамках которой те, которые были заняты в производственной сфере, и те, которые работали в министерствах, администрациях, аппаратах партии или государства, они все-таки *составляли одну большую “номенклатуру” с некоторыми общими правилами игры, там все знали и друг друга и эти правила*” [14, с. 48] (курс. мой. — И.П.).

По мнению Мендрас, в условиях, когда экономика страны является “экономикой выживания” и когда существует большая зависимость человека от администрации, существенную роль играют именно *региональная и местная администрации*. Более того, в этих условиях “каждый чиновник имеет свою сферу деятельности, свою маленькую власть, не считаться с которой не может даже его начальник” [14, с. 48]. Наличие ситуации, когда *государство является слабым, а бюрократ — сильным*, объясняет не только тот произвол, беспредел, который чинят бюрократы *всех уровней* по отношению к людям, но и те возможности, которые имеются у чиновников для приватизации и предпринимательства (о чем речь шла выше), а также выполнения функции “крыши” в частном (“рыночном”) бизнесе. Укажу в связи с этим и на парадокс “упразднения” номенклатуры в 1990 году. *Это “упразднение” на самом деле освободило от контроля партии республиканские и местные элиты, полностью развязав им руки*¹.

Есть и другая сторона устранения партии с политической арены, что также было на руку клану “номенклатуры”. Партия была фактически единственной организацией, в рамках которой “худо-бедно” имелись возможности кон-

¹ О том, как усиление местного антицентризма сказалось на ситуации в Украине, см.: [15].

троля властных структур “снизу”. Речь идет о так называемых первичках. Что собой представляли “рядовые коммунисты”, могли ли они сыграть положительную роль в необходимых преобразованиях? Явно не “пропартийно” настроенные Гордон и Клопов высказывают по этому поводу следующие соображения: “Для некоторых побудительным мотивом для вступления в партию были соображения карьеры, но *многие и даже большинство* надеялись, что, находясь в составе КПСС, смогут активно участвовать в общественно-политической жизни страны” [7, с. 150] (курс. мой. — И.П.).

Замечу, что “первички” не только “питали надежду”, но и *давали возможность проявлять активность и участвовать в решении многих вопросов, затрагивающих интересы людей, касающихся различных сторон их повседневной жизни*. Поэтому трудно согласиться со следующим заключением: “В действительности, оказываясь в тисках “железной” партийной дисциплины и подвергаясь идеологической обработке, они служили не столько интересам народного большинства, сколько правящей партийно-государственно-хозяйственной номенклатуры” [7, с. 150]. Тем более это никак нельзя отнести к партийной жизни “первичек” в период перестройки, а особенно в 1989–1990 годах. В “первичках” в эти годы кипели страсти: вначале в связи с введением выборности руководителей, а затем в связи с обсуждением Платформы и Устава КПСС. Именно этот ресурс (построение партии по производственному признаку, а также ее относительная массовость — 20 млн чел.) мог стать важным фактором, препятствующим реализации “конфронтационно-криминального” варианта.

“Первички” могли бы обеспечить государству мощную поддержку при осуществлении “разумных” преобразований — тех именно, которые соответствовали интересам большинства населения. Сопоставляя результаты опросов с теми дебатами, которые велись тогда на партийных собраниях, приходишь к заключению, что *интересам большинства более всего соответствовало то идейное течение внутри партии, которое тогда именовали “Демократической платформой в КПСС”*. Это направление предполагало не только реформирование самой партии, построение ее на подлинно демократической основе (отказ от принципа демократического централизма), но и изменение представления о социализме, означающее отмену монополии государственной собственности, многоукладность и реализацию принципа “от каждого по способностям, каждому по труду”.

В 1990 году клубы “Демплатформы” были распространены практически во всех бывших республиках Союза. В марте 1990 года, как известно, сторонники ее собрались в Харькове и заявили о создании “Демплатформы в КПУ”. “Демплатформа” находила широкий отклик у рядовых членов КПСС, в чем мы смогли убедиться на одном из общих партийных собраний в Одесском Госуниверситете. Это собрание по замыслу его организаторов как раз и должно было осудить “Демплатформу”. Но устроив в перерыве анонимный опрос членов парторганизации (всем выходящим из зала давалась анкетка, которую заполнив, бросали в урну) и быстро подсчитав результаты, члены нашей социологической группы выступили при обсуждении проекта решения и привели данные, свидетельствующие о том, что подавляющее большинство участников собрания поддерживает основные положения “Демплатформы”. Причем этому выступлению не смог помешать присутствующий на собрании секретарь Горкома КПУ, всеми силами пытавшийся это сделать.

Не погрешу против истины, если скажу, что других сколько-нибудь *значимых* (в смысле соответствия интересам большинства населения) и *массовых* идейных течений и общественных движений практически не было. Об этом свидетельствует история Руха, популярность которого упала, как только выяснилась его узкая социальная база. Об этом свидетельствуют и наши опросы 1989–1991 годов. Компартия же не смогла перевооружиться и использовать ресурс “первичек”. Объяснение этому следует искать в плоскости оппозиции “руководитель–подчиненный”, которая, как уже отмечалось, четко обозначилась в наших опросах. Именно *действия руководящего состава партии (центральных и республиканских ее органов) обусловили провал перестройки, активное неприятие населением и перестройки, и самой партии и, наконец, парализовали большую армию “рядовых коммунистов”*.

Вряд ли дело было в том, что кто-то сознательно и *умело* направлял “народное недовольство партией”. Причем были предположения, что это дело рук самого Генсека [16, с. 221]. Безусловно, личность его сыграла значительную роль во всем ходе событий, и особенно в кризисный период 1989–1991 годов. Но вернее говорить именно о *неумелости*, о непонимании сущности обстоятельств, в которых надо было решать судьбоносные проблемы, о том, что *Генсек как личность оказался не на высоте тех исторических задач, которые стояли перед страной и ее народом*. Это порождало разочарование и пассивность основной массы населения, неспособность самоорганизоваться и противостоять тем силам, которые увлекли нас на “конфронтационно-криминальный” путь и навязали свои правила игры, о коих речь шла выше. Хотя, конечно, были и внешние, и внутренние враги, а враг, как известно, никогда не дремлет.

Изучая результаты наших опросов 1989–1991 годов, анализируя различные документы прошлого и происходившие тогда события, хочу выразить согласие с теми, кто считает, что *в те годы еще была возможность реализовать “советско-рыночный” вариант развития, являвшийся наиболее приемлемым для большинства населения и в принципе достижимым*. Я считаю также, что *необходимым условием для этого было наличие “компартии реформ”, “обновленной” партии, как тогда говорили*. Такая партия нашла бы поддержку среди передовой части интеллигенции и могла бы опереться на большой отряд “рядовых коммунистов”, представляющих собой реальную и, что очень важно подчеркнуть, *организованную* социальную базу преобразований.

Отдельные попытки “рядовых коммунистов” самоорганизоваться и противостоять “официальной” линии были неудачными. Так, в Одессе 19 октября 1991 года состоялась учредительная конференция новой общественно-политической организации “Союз левых сил Одесщины”, заявившей о своей позиции фактически “демократического социализма”. Предполагались смешанная экономика, многообразие и равноправие различных форм собственности, формирование социально ответственного, компетентно регулируемого рынка, стимулирующего эффективность экономики. Интерес представляет и пункт о необходимости последовательного проведения политики, ориентированной на воссоздание целостного экономического пространства в рамках союза суверенных государств (не к этому ли пришло наше руководство только сейчас, после более чем 10-летнего разрыва этого пространства?). Знаменательны и требования Союза добиться судебного разбирательства по поводу обстоятельств запрета Компартии Украи-

ны, а также проведения съезда коммунистов Украины, где именно коммунисты дали бы оценку действиям лидеров КПСС и КПУ и определили дальнейшую судьбу Компартии [17]. Но “поезд ушел”. Верхушка партии приняла другое решение, “номенклатура” перегруппировалась и сумела навязать стране иной путь развития.

Однако нужно ли возвращаться к прошлому? Следует ли еще и еще раз обсуждать утерянные возможности? Я отвечаю на эти вопросы положительно и выражаю свое согласие с теми, кто считает, что “сравнительный ретроспективный анализ возможных вариантов вхождения советского (именно советского) общества в рынок” крайне полезен¹. Это дает возможность глубже осмыслить то, что происходит сейчас, определить те трудности, которые могут возникнуть в будущем. Ибо прошлое, настоящее и будущее — единое целое, и понять его — это значит не исчезнуть бесследно в неумолимом беге Времени.

Литература

1. Норо А. Диагноз времени как третий жанр социологической теории // Социологические исследования. — 2002. — № 2. — С. 3–11.
2. Медведев Р. Советский Союз: последний год жизни. — М., 2003.
3. Шляпентох В.Э. Советский Союз — нормальное тоталитарное общество // Социологические исследования. — 2000. — № 2. — С. 115–124.
4. Осипов Г.В. Мифы уходящего времени // Социологические исследования. — 1992. — № 6. — С. 3–13.
5. Левада Ю. 1989–1998: десятилетие вынужденных поворотов // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — 1999. — № 1(39) — Январь–февраль. — С. 7–12.
6. Кара-Мурза С. Советская цивилизация. От великой победы до наших дней. — М., 2000. — Кн. 2.
7. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. — М., 2000. — Т. 1.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — М., 1995.
9. Попова И.М. Социальные представления в обыденном сознании // Социологические исследования. — 1991. — № 11. — С. 66–76.
10. Ларцев В. К проблеме периодизации процесса приватизации // Экономика Украины. — 2000. — № 12. — С. 41–46.
11. Деревянко Б. Хочу быть услышанным. — Одесса, 2002.
12. Косалс Р.Я., Рывкина Р.В. Социология перехода к рынку в России. — М., 1998. — С. 368.
13. Заславская Т.И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований // Социологические исследования. — 2002. — № 2. — С. 3–16.
14. Мендрас М. Слабое государство и сильная администрация: к оценке российской бюрократии // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. — М., 2003.
15. Куценко О.Д. Динамика элит в изменяющемся социальном пространстве // Харьковские социологические чтения–95. — Харьков, 1995. — С. 107–110.
16. Врублевский В. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. — К., 1993.
17. Заявление “Союза левых сил Одесщины” // Юг. — 1991. — 30 октября.

¹ К этому призывают, в частности, Косалс и Рывкина [10, с. 27].